

Философские и культурологические исследования

DOI: 10.18721/JHSS.8407
УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА

В.А. Серкова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматриваются философская концепция всеединства (полноты знания) В.С. Соловьёва и вклад мыслителя в формирование профессиональной философии в России во второй половине XIX столетия. Дан анализ аргументов его магистерской диссертации, направленных против позитивистской программы развития научного знания. Выявлены общие для времени Соловьёва и нашего времени проблемы, связанные с перспективами развития науки и гуманитаристики. Исследуется отношение религиозных установок, философского и научного знания. Прояснена роль практической (нравственной) философии в общем концептуальном контексте философии В.С. Соловьёва. Определено актуальное значение его философии в вопросе перспективы развития современного гуманитарного знания. Автор статьи приходит к выводу, что благодаря философии Соловьёва проблема отношения философии, религиозной веры и науки (позитивного знания) предстает как конструктивная модель их возможного взаимного дополнения. Анализируется отношение мыслителя к ницшеанской философии и к философии Сократа и Платона.

Ключевые слова: главный позитивистский тезис; несовместимость метафизики и научного мышления; нравственная философия; умный (охранительный) консерватизм; аксиоматика; модель гипотетического знания; метафизические вопросы

Ссылка при цитировании: Серкова В.А. Философия образования и цельного знания Владимира Соловьёва // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 68–76. DOI: 10.18721/JHSS.8407

VLADIMIR SOLOVYOV'S PHILOSOPHY OF EDUCATION AND INTEGRAL KNOWLEDGE

V.A. Serkova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper discusses Vladimir Solovyov's philosophical concept of unity (fullness of knowledge) and the philosopher's contribution to the formation of professional

philosophy in Russia in the second half of the 19th century. We have analyzed the arguments of Solovyov's master's thesis, directed against the positivist programme of development of scientific knowledge. We have identified the issues associated with the development of science and humanities common for Solovyov and our time. We have examined the relationship of religious attitudes, philosophical and scientific knowledge. We have clarified the role of practical (moral) philosophy in the general conceptual context of Solovyov's philosophy. We have detected the importance of Solovyov's philosophy for the prospects of modern humanitarian knowledge. It is concluded that thanks to Solovyov's philosophy the relation of philosophy, religion and science (positive knowledge) appears as a positive model for their possible interconnection. We have analyzed Solovyov's attitude towards Nietzsche's philosophy and towards the philosophy of Socrates and Plato, detailed in the "Life drama of Plato" and in his articles in the philosophical section of the Brockhaus and Efron dictionary.

Keywords: positivist thesis; incompatibility of metaphysics and scientific thinking; moral philosophy; experience of clever (conservative) conservatism; axiomatics; hypothetical knowledge; metaphysical questions

Citation: V.A. Serkova, Vladimir Solovyov's philosophy of education and integral knowledge, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 68–76. DOI: 10.18721/JHSS.8407

Введение

Владимир Сергеевич Соловьёв является одним из основоположников российской философской традиции. Не с него начиналась профессиональная философия в России, здесь достаточно вспомнить, что защита магистерской диссертации Соловьёва (а магистранту был всего 21 год) превратилась в серьезное духовное событие в университетской преподавательской среде. Но с Соловьёва начался «*большой стиль*» в российской философии, именно он наметил программу и определил тематический горизонт российского философского духовного искания. Об этом говорит замечательный русский философ А.Ф. Лосев и цитирует В. Розанова, а тот, в свою очередь, развивает мнение Л. Лопатина (мы, таким образом, опираемся на согласованную оценку сразу трех выдающихся русских мыслителей): «Все они, русские философы до Соловьёва, были как бы отделами энциклопедического словаря по предмету философии, без всякого интереса и без всякого решительного взгляда на что бы то ни было. Соловьёв, можно сказать, разбил эту собирательную и бездушную энциклопедию и заменил ее правильной и единоличной книгой, местами даже книгой страстной. По этому одному он стал „философом”» [1, с. 42].

Философии В.С. Соловьёва посвящено великое множество исследований. Основопологающей фактологической базой сведений о творчестве Соловьёва, об обстоятельствах его жизни и интеллектуальном круге, в котором он вращался, является двухтомное исследование С.М. Лукьянова [2, 3]. Соловьёву посвящены работы Э.Л. Радлова, Е.Н. Трубецкого, К.В. Мочульского, изданные до революции 1917 г. Возможность утолить интерес к философскому наследию Соловьёва у современных исследователей появилась уже в конце 80-х гг. XX в. Новая традиция исследования работ мыслителя была заложена А.Ф. Лосевым. Сначала он написал небольшую биографию Вл. Соловьёва, а затем расширил ее и издал в серии «Мыслители прошлого» [1]. Лосев явился не только замечательным интерпретатором и исследователем наследия Соловьёва, но и его конгениальным последователем. О современном состоянии соловьёвведения свидетельствует периодическое научное издание – журнал «Соловьёвские исследования», выпускаемый Ивановским государственным энергетическим университетом (вышло в свет уже 57 номеров). Постоянно расширяется и архивная база изучения наследия Вл. Соловьёва. Замечательными источниковедческими исследователями его

творчества являются А.В. Малинов, М.В. Максимов, Л.М. Максимова. Творчеству Соловьёва посвящен сборник из серии «Pro et contra», издаваемой в Российской христианской гуманитарной академии [4].

Постановка проблемы

Творчество Вл. Соловьёва многогранно. Он явился не только блестящим историком философии, способным еще на университетской скамье дать глубочайший анализ направлений европейской философии своего времени. Соловьёв принадлежит к тем редким оригинальным гениям, которые задали новое направление национальному философскому самосознанию, соединили и осмыслили многие отдельные проблемы российской духовной культуры. Но нас в этом исследовании будет интересовать только одна сторона философского опыта мыслителя – его отношение к вопросам образования, в частности философского. Главной проблемой, которая, на наш взгляд, управляет всем творчеством Вл. Соловьёва, является проблема осознания великой роли философии в духовном наполнении жизни человека, в пробуждении этой жизни, ее утверждении и возрастании. Побочными вопросами этой проблемы будут вопросы об отношении философии и науки и философии и образования.

Методология

В качестве исследовательского метода нами использован сравнительно-исторический подход, позволяющий сопоставить историческую ситуацию и университетскую среду второй половины XIX столетия с современными условиями, складывающимися в гуманитарном образовании в начале XXI в. Это дало нам возможность лучше понять в опережающей перспективе последствия той политики образования, которая проводится сегодня.

Результаты исследования

Образование принадлежит к базовым системообразующим общественным структурам, и потому всё, что в нем происходит, не может не иметь далеко идущих для всего общества последствий. Главный вопрос, стоящий сейчас перед высшей школой, – это определенность и ясность ее будущего как основа и результат принимаемых усилий в преобразовании высшей

школы, что особенно важно в том состоянии непрерывного реформирования, в которое она оказалась вовлеченной. С 2003 г., когда Россия присоединилась к Болонскому процессу, российское образование находится в состоянии перманентного преобразования и, как следствие, в состоянии тотальной неопределенности, поскольку цели, если они и осмысливаются как желаемый результат реформы ее разработчиками, остаются весьма туманными для исполнителей и в целом задаются перечнем определений, которые вряд ли кто-либо будет оспаривать. Разумеется, образование должно быть эффективным, инновационным, доступным, привлекательным и т. п. Как же этого можно достичь?

Между тем, как это ни покажется странным, проблема образования для России отнюдь не новая. Образование в российских университетах было предметом критики уже в XIX в. В частности, это относится к гуманитарному образованию. Во второй половине XIX в. требование радикальных перемен в системе образования в связи с ростом промышленного производства в России, капитализации ее экономики, а также с расцветом предпринимательства пришло в противоречие с консервативными охранительными традициями – основой «всего русского», включая культуру и мировоззрение той части российского общества, которая не готова была жертвовать глубинами национальной жизни во имя ее прогресса и развития. Споры между западниками и славянофилами, позитивистами и их идейными противниками и критиками лежали на поверхности интеллектуальной жизни российского общества, вовлекаемого в бурное экономическое развитие. Студенчество уже в силу своего возраста, в котором, как правило, проявляется склонность к отрицанию старого «отцовского» уклада («папиной культуры», как сказали бы сегодня), откровенно выражало свои симпатии и настроения в университетских аудиториях. Это вынуждало администрацию отчасти идти на компромиссы, но более всего обязывало ее противодействовать и сдерживать революционные настроения студентов.

Кроме того, русская культура вступала в стадию своего развития, которую принято называть «серебряным веком». По сравнению с веком «золотым», в котором начала, продолжения и концы были уравновешены, в нарождающейся новой эпохе стихия завершения, даже

упадка порождала предчувствие будущих катаклизмов. «Творческая жизнь переломной эпохи отмечена предвидением близящейся катастрофы, эсхатологическими настроениями, мрачными предчувствиями, с которыми соседствует вера в возможность нравственного преобразования мира, надежда на приближение новой эры духа...» [5, с. 380].

Карьера Вл. Соловьёва как университетского преподавателя оказалась краткой. Скорее можно утверждать, что эта карьера вообще не сложилась в силу разных обстоятельств. Соловьёв не любил преподавательскую деятельность, и она продлилась до памятной лекции в зале Кредитного общества, прочитанной 28 марта 1881 г., вскоре после убийства императора Александра II. Н.О. Лосский пишет: «Дважды Соловьёв имел возможность отделиться профессорской деятельности...» И приходит прямо-таки к парадоксальному утверждению: «Профессорская деятельность, требовавшая сосредоточенности на чисто научных исследованиях, его не удовлетворяла» [6, с. 95]. Между тем Соловьёв стремительно вошел в мир российского образования после защиты своей магистерской диссертации, прямо скажем, в весьма неподходящий для спокойного академического существования гуманитария момент. И сама эта защита, и дальнейшее недолгое преподавание Соловьёва сначала в Московском, а затем в Санкт-Петербургском университете проходили в обстоятельствах и общественных настроениях, которые несколько напоминают современные. Среди студентов и части преподавателей в то время утвердился дух позитивизма, что выражалось прежде всего в презрении к гуманитарным наукам и к ученым, в них подвизавшимся.

Вот как об этом в своих воспоминаниях пишет Н.К. Никифоров: «В полном соответствии с общественными симпатиями к „реальным знаниям“ и со всеобщим отвращением к затхлому классицизму, бывшим тогда в полном разгаре, подавляющее большинство студентов считало настоящими науками только естественные, а все остальные — лишь „терпимым художеством“. <...> Безусловно, не терпящее возражений презрение внушало науки историко-филологического факультета. На этот злосчастный факультет переносилась массой студенчества вся та ненависть, которая возникала в гимназиях к древним языкам. В среде „естественников“

слово „филолог“ было почти бранным. <...> Не лучшего мнения о филологических науках были и профессора физико-математического факультета» [4, с. 390].

О таком же удручающем общественном состоянии свидетельствует В.В. Никитенко: «В горный корпус и технологический институт потребовалось послать жандармов... Что значит эта эпидемия восстаний в школах? Молодым людям не нравится такое-то лицо в управлении школой или преподаватель, и они требуют его удаления. Разумеется, этого допускать нельзя. Но дело в том, что такие требования сделались возможными и почти повальными. Увы! Это только частные симптомы неурядицы, господствующей у нас повсюду, в администрации и обществе. Нравственность падает ниже и ниже; у молодых людей в сердцах есть благородство, но оно направлено против существующего порядка вещей. Главное зло состоит в том, что теперь ничему не верят...» [Цит. по: 2, с. 40–41].

В этой атмосфере пренебрежения к гуманитарным наукам Соловьёв пишет магистерскую диссертацию, смысл и назначение которой состоит в опровержении главного позитивистского тезиса о том, что научное мышление и философия не только представляют собой разные типы сознания, но состоят в неразрешимом противоречии, что философия изжила себя как прогрессивный тип мировоззрения, что «наука — сама себе философия». (Собственно, он сомневается не столько в возможностях науки, сколько в тех идеологических претензиях, которые следуют вместе с укреплением ее достижений. В «Трех разговорах» он пишет: «...Много толкуют о том, что на место идеального содержания старой жизни, основанного на вере, дается новое, основанное на знании, на науке; и пока эти речи не выходят за пределы общностей, можно подумать, что речь идет о чем-то великом. Но стоит только посмотреть поближе, какое это знание, какая наука, и великое очень скоро переходит в смешное» [7, с. 52].) В своей диссертации Соловьёв подвергает критике эту основную идеологему позитивизма, состоящую в убеждении, что философия исполнила свою миссию и должна уступить место «позитивному», или научному, знанию.

Кроме того, в своей магистерской работе Соловьёв скрупулезно изучает итоги как философского развития, завершившегося к середине

XIX в. расцветом немецкой идеалистической философии, так и программы о перспективах дальнейшего развития научного знания, объявленной О. Контом, зачинателем позитивизма. Соловьёв идет поперек течения, более того, вопреки настроениям основной массы студентов и преподавателей. Что же заставляет его усомниться в том, что философия как форма рациональности должна уступить место так называемым «естественным наукам»? Он исследует вопрос не столько о практической пользе точных наук, в которой трудно усомниться, но собственно о природе рационального знания. Если основой рациональности как способа изложения знания о чем-либо являются аргументация, демонстративность, доказательность, то соответствуют ли гуманитарные дисциплины этим критериям позитивности? Являются ли они науками или даже вообще знанием? Является ли философия «рациональной системой экспозиции своих представлений»? [8, с. 26].

Разумеется, в философии никогда не отрицается суть демонстративного разума, напротив, одной из своих основных задач философы полагают анализ и понимание природы этой демонстративности. Логика как основа философского знания как раз и решает проблему разнообразия и конкретного и действительного своеобразия возможных форм доказательности разума. При этом философия включает в себя элемент веры как особого рода знания — знания-предположения. Но и наука имеет его в качестве такой формы, как гипотетическое предположение. Следовательно, не в этом суть радикального различия философии и науки. В чем же? И здесь, в этом пункте, мы приближаемся к действительному пониманию сути различия между ними, тому различию, которое анализирует Соловьёв.

Философия, согласно Соловьёву, потому и является универсальной формой понимания, что в ней объединяются различные структуры рациональности, включая религиозные знания о трансцендентных предметах. Принцип всеединства, который он отстаивает, в том числе и на гносеологическом уровне, состоит в возможности рационального знания о божественных основаниях мира. И это после того, как со времен средневековой философии, казалось бы, отделение философии от религии произошло раз и навсегда. Вопрос о соотношении религи-

озных и философских истин представляет собой один из важнейших предметов исследования в магистерской диссертации Соловьёва.

Напомним еще раз, что Соловьёв поднимает этот вопрос именно тогда, когда он не встречает ни малейшего сочувствия в так называемой прогрессивной ученой среде. Это общая тенденция развития европейского человечества в конце XIX столетия, после объявления «смерти Бога». В философии Ф. Ницше это только метафора невозможности включать и удерживать трансцендентное знание в философской аналитике. Представители философии жизни, позитивизма, марксизма на все лады проповедуют угасание духа идеализма в философских системах. Философии в этом смысле противопоставляется, с одной стороны, религия, а с другой — наука. Но и внутри философии идеализму основательно, начиная с И. Канта, противопоставляется критическое знание как «оборонительная секта» (по выражению Р. Гайма) против идеализма, с одной стороны, и скептицизма, с другой.

Основной тезис, выносимый Соловьёвым на защиту, состоит в утверждении, что если позитивисты выдвигают систему «позитивных наук» «как единственное истинное познание и отрицают всякое безусловное начало, религиозное и философское, то это утверждение и это отрицание представляют только естественное следствие собственной ограниченности позитивизма» [9, с. 138].

Соловьёв считает, что без религиозной подоплеки знание пусто и бессодержательно. В статье «Тайна прогресса» он в форме притчи доносит до нас свою мысль о том, что прогресс невозможен без охранения святынь культуры, религиозных по преимуществу: «Кто не верит в будущность старой святыни, должен всё-таки помнить ее прошедшее. Отчего не понесет он ее из почтения к ее древности, из жалости к ее упадку, из стыда быть неблагодарным» [10, с. 557]. Философ укрепляется в этой мысли в своем фундаментальном труде «Оправдание добра», и здесь она приобретает еще измерение культурного наследования: «...Я не могу не чувствовать благодарности и благоговения к тем людям, которые своими трудами и подвигами вывели мой народ из дикого состояния и довели его до той степени культуры, на которой он теперь находится» [11, с. 182]. Прогресс возможен, если есть основа, которую можно разви-

вать дальше, отсюда задача «идти вперед, взяв на себя всю тяжесть старины. <...> Вот тайна прогресса – другой нет и не будет» [10, с. 557]. Это существенное дополнение к проблеме отношения науки и философии в современном мировоззрении. Теперь Соловьёв выступает защитником религиозной основы знания.

Очевидно, что мы имеем дело с особым видом идейного консерватизма, отличного и от славянофильского, и от консервативного в узком смысле этого слова. Отношение Соловьёва к славянофилам и консерваторам описывает в своей статье (с обширной библиографией по этому вопросу), помещенной в 54-м выпуске журнала «Соловьёвские исследования» А.В. Малинов [12, с. 114]. Консерватизм Соловьёва – особой природы. Здесь мы сталкиваемся с очень сложными вопросами относительно религиозных убеждений мыслителя, которые усугубляются его непростыми отношениями с православной церковью, отразившимися на спорах относительно его конфессиональной причастности к католицизму. Как представляется, Соловьёв пытался в одиночку разрешить проблему глубоких исторических разногласий внутри христианства, исторического расхождения между православием и католицизмом. Он пытался разрешить этот исторический и богословский конфликт в своей философской программе всеединства. По представлениям Соловьёва, разногласия должны быть преодолены в воссоединении двух христианских церквей на основе философии всеединства. Эта философия нашла большее сочувствие со стороны католического духовенства и совершенно не была принята православными богословами. А.Л. Казин, опираясь на авторитетное мнение Георгия Флоровского, так оценивает теософский и историософский опыт Вл. Соловьёва: «Отец Георгий Флоровский в своих „Путиях русского богословия” сказал о Соловьёве строгие слова: „Этот философ искал церковного синтеза нецерковными средствами”. Применительно к экклезиологии (учению о Церкви) это верно, но вот применительно к историософии России Соловьёв всегда оставался на стороне православия – и тогда, когда он писал о ложных божках интеллигенции, и тогда, когда говорил о русском расколе» [13, с. 143].

Более плодотворным оказалось обоснование Соловьёвым оснований нравственной

философии. Он обращается к самым истокам ее формирования в философской программе Сократа. При этом Соловьёву удается вполне соотносить ее с общим состоянием умов своего века. Сократ, которого его сограждане афиняне осудили и приговорили к смертной казни за нарушение благочестия, т. е. за отступление от святынь, с точки зрения Соловьёва, и был главным их охранителем: «Охранителям Сократ как бы говорил так: „Вы совершенно правы и заслуживаете всякой похвалы за то, что хотите охранять основы гражданского общежития, – это дело самое важное. Прекрасно, что вы охранители, беда лишь в том, что вы – плохие охранители: вы не знаете и не умеете, что и как охранять. Вы действуете ощупью, как попало, подобно слепым”» [14, с. 593]. Собственно этот опыт умного (охранительного) консерватизма в отношении самих оснований любой культуры и должен быть основой реформирования, в том числе и в области образования.

Пафос защиты святынь, якобы устаревших и отмирающих, который проявился уже в чрезвычайно зрелом для 21-летнего студента университета воззрении на назначение нравственной философии и религии в мировоззрении человека новой научно-промышленной эпохи, будет характеризовать ценностную позицию Соловьёва на протяжении всей его жизни. При этом следует учесть, что такая позиция философа вызвана не его принципиальным консерватизмом, как, скажем, в случае с К. Леонтьевым, которому Соловьёв посвятил блестящую статью, помещенную в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Принципиальный консерватизм Соловьёва аргументирован и основан на глубоком понимании духовного развития европейского человечества от античной эпохи и до современной ему действительности. На обширном историко-философском материале он доказал, а не просто принял как исходный принцип, идею о том, что трансцендентная основа не устраняется и в так называемых точных науках, в которых аксиоматика, по сути, является продуктивной моделью гипотетического знания. На этих основаниях Соловьёв не считал возможным жертвовать знанием, основанным на вере (тоже определенного рода интуиции), во имя особой полноты мировоззрения, которое он определяет понятием «всеединство». Что касается первого пункта его принципиальной идеалистической

позиции, то потребовалось четыре этапа развития позитивистской философии (начальный позитивизм XIX в., эмпириокритицизм, логический позитивизм и постпозитивизм), чтобы представитель последнего, П. Фейерабенд, с позиции принципа пролиферации признал вполне существенным мифологический тип знания в качестве одного из возможных способов выражения принципа рациональности. Еще раз повторим, что в философии Соловьёва проявляются не просто упорный консерватизм и принцип охранительства, но глубокая и выстроенная аналитика природы рациональности, научной, философской, мифологической и какой угодно еще.

Мы имели возможность убедиться, что в оценке перспективы движения философии по позитивистскому сценарию (преимущественного развития точных наук и истребления в них всех метафизических вопросов) Владимир Соловьёв проявил недюжинную прозорливость. Метафизические вопросы прорастают в любом типе знания, в том числе и научного. Это проявилось уже в споре Э. Маха, представителя второго позитивизма, с адептами атомистической физики. И это был спор «фактографов» и сторонников «физики моделей», которая, по представлениям первых, должна быть вытеснена из физической науки. Физика в XX в. развивалась преимущественно по антипозитивистскому сценарию, и в конце этого столетия потребовалось объединенное усилие в деле строительства, скажем, большого адронного коллайдера, чтобы подтвердить гипотезу, возникающую в «физике моделей»

И теперь уже совершенно очевидно, в чем именно в век укреплявшейся науки Соловьёв видел значение религиозных убеждений, почему он выступал защитником христианства вопреки духу времени и усугублявшемуся атеизму второй половины XIX в., кризису религиозного мировоззрения и христианской веры. В своем позднем сочинении «Русская идея» (1888) он пророчески свидетельствовал о грядущей эре атеизма и истощения национальной духовной жизни: «Фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цене оппортунистической прессой, еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинной русской идеи. За этим не надо далеко ходить: она здесь,

близко — это истинная русская идея, засвидетельствованная религиозным характером народа, преобразованная и указанная важнейшими событиями и величайшими личностями нашей истории» [15, с. 44]

Заключение

Таким образом, оказывается, что духовный кризис во многом является следствием кризиса научного мировоззрения, лишившегося в одном случае метафизического, а в другом — трансцендентного измерения. Связаны ли эти кризисы с системой образования? Разумеется, если процесс образования будет исходить исключительно из утилитаристских запросов и ориентироваться только лишь на практические нужды. Это в первую очередь влияет на гуманитарную компоненту образования, ее удельный вес в общем объеме знания. Как следствие, мы будем получать все возможные виды кризисов, начиная от мировоззренческих (все вариации трансгуманизма и все прилагающиеся к ним перверсивные формы переименования физической и нравственной природы человека) и заканчивая кризисами коллективного действия этих переименованных существ в их совокупном действии (глобальные катастрофы: военные, политические, экологические, финансовые).

Есть еще одна миссия философов, которую они осуществляют непрерывно, с большим или меньшим успехом. Именно об этом говорит категорично и даже сердито современный философ и преподаватель А. Перцев: «Каиново политехническое племя наступает — и христианский храм, недавно возведенный на противоположной горе, тоже не может сдерживать его. Разрешить эту программу мог бы только философ. <...> Российская машина двинется с места только тогда, когда в этом движении философ увидит бытийный смысл и соработничество чему-то Высшему, Трансцендентному... <...> *Только философ сможет объяснить богослова политехнику, а политехника — богослову*» [16, с. 252].

Продуманная профессиональная системная гуманитаристика отвечает на главный вопрос, воспроизводящийся на всех этапах образования. Образование кого? Нравственного гражданина, нравственного ученого, нравственного человека. Это не придет само собой. Это — стратегическая и непрерывная работа всей системы образования, и высшей школы *par excellence*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Вл. Соловьёв. М.: Мысль, 1983. 208 с. (Мыслители прошлого).
2. Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3 кн. Кн. 1. Пг.: Сенат. тип., 1916. 442 с.
3. Лукьянов С.М. О Вл.С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. В 3 кн. Кн. 2 и 3. Вып. 1. Пг.: Сенат. тип., 1921. 442 с.
4. Вл.С. Соловьёв: pro et contra / сост. В.Ф. Бойков. В 2 т. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. 896 с.
5. Философия и искусство Серебряного века в судьбе России: моногр. / под ред. М.И. Панфиловой, Е.А. Трофимовой. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012. 390 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Сов. писатель, 1991. 480 с.
7. Соловьёв В.С. Избранное. М.: Сов. Россия, 1990. 496 с.
8. Серкова В.А. Ценностная основа русской религиозной философии // Генеалогия ценностей в русской философии Серебряного века. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2013. С. 11–30.
9. Соловьёв В.С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Соч. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 3–138.
10. Соловьёв В.С. Тайна прогресса // Соч. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
11. Соловьёв В. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 47–549.
12. Малинов А.В. «Он может и должен принести большую пользу» // Соловьёвские исследования. 2017. Вып. 2 (54). С. 110–128.
13. Казин А.Л. Первый и последний. Учебник русского. СПб.: Изд-во НППЛ «Родные просторы», 2015. 376 с.
14. Соловьёв В.С. Жизненная драма Платона // Соч. В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 583–625.
15. Соловьёв В.С. Русская идея. СПб.: София, 1991. 96 с.
16. Перцев А. Русский пейзаж в свете всемирной философии // Русский мир. Пространство и время русской культуры: альм. № 8. СПб.: Рус. культура, 2013. С. 236–252.

Серкова Вера Анатольевна

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2017 г., принята к публикации 7.11.2017 г.

REFERENCES

- [1] A.F. Losev, Vl. Solovyev, Mysl', Moscow, 1983.
- [2] S.M. Lukyanov, O Vl. Solovyev v yego molodyye gody. Materialy k biografii [About Solovyov in his young years. Materials for the biography], in 3 vol., of vol. 1, Senatskaya typ., Petrograd, 1916.
- [3] S.M. Lukyanov, O Vl. Solovyev v yego molodyye gody. Materialy k biografii [About Solovyov in his young years. Materials for the biography], in 3 vol., of vol. 2, 3, Senatskaya typ., Petrograd, 1921.
- [4] V.I.S. Solovyev: pro et contra, in 2 vol., RKhGI Publ., St. Petersburg, 2002.
- [5] Filosofiya i iskusstvo Serebryanogo veka v sud'be Rossii [The philosophy and art of the silver age in Russia], monograph, SPbGIEU Publ., St. Petersburg, 2012.
- [6] N.O. Losskiy, Istoriya russkoy filosofii [History of Russian philosophy], Sovetskiy pisatel', Moscow, 1991.
- [7] V.S. Solovyev, Izbrannoye [Selected works], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 1990.
- [8] V.A. Serkova, [The value basis of Russian religious philosophy], in: Genealogiya tsennostey v russkoy filosofii Serebryanogo veka [The genealogy of values in Russian philosophy of the silver age], SPbGEU Publ., St. Petersburg, 2013, pp. 11–30.
- [9] V.S. Solovyev, Krizis zapadnoy filosofii (Protiv pozitivistov) [The crisis of Western philosophy (against the positivists)], in: Works, in 2 vol., of vol. 2, Mysl', Moscow, 1990, pp. 3–138.
- [10] V.S. Solovyev, Tayna progressa [Mystery progress], in: Works, in 2 vol., of vol. 2, Mysl', Moscow, 1990.
- [11] V. Solovyev, Opravdaniye dobra. Nравstvennaya filosofiya [Good excuse. Moral philosophy], in: Works, in 2 vol., of vol. 1, Mysl', Moscow, 1990, pp. 47–549.
- [12] A.V. Malinov, «On mozhet i dolzhen prineshti bol'shuyu pol'zu» [“It can and should be of great benefit”], in: Solovyevskiye issledovaniya, 2 (54) (2017) 110–128.

[13] A.L. Kazin, *Pervyy i posledniy. Uchebnik russkogo* [The first and the last. Textbook of the Russian language], *Rodnyye prostory*, St. Petersburg, 2015.

[14] V.S. Solovyev, *Zhiznennaya drama Platona*, in: *Works*, in 2 vol., of vol. 2, *Mysl'*, Moscow, 1990, pp. 583–625.

[15] V. Solovyev, *Russkaya ideya* [The Russian idea], *Sofiya*, St. Petersburg, 1991.

[16] A. Pertsev, *Russkiy peyzazh v svete vseмирной философии* [Russian landscape in the light of the world philosophy], in: *Russkiy mir* [Russian world], no. 8, *Russkaya kul'tura*, St. Petersburg, 2013, pp. 236–252.

Serkova Vera A.

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Received 12.10.2017, accepted 7.11.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017